

Академия наук Эстонской ССР
Тартуский государственный университет

Всесоюзная конференция
по финно-угроведению
Сыктывкар 1965

Тезисы докладов

Таллин 1965

Всесоюзная конференция..

AR

190844

11
1A-3884

Академия наук Эстонской ССР
Тартуский государственный университет

Всесоюзная конференция
по финно-угроведению
Сыктывкар 1965

Тезисы докладов

Таллин 1965

Tartu Riikliku Oikeali
Raamatukogu
190844

ARHIIVKOGU

К ВОПРОСУ О СПЕЦИСЕ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Валмет
(Тарту)

1. В эстонском языке, как и в большей части финно-угорских языков, нет специального грамматического показателя для обозначения специса, т.е. определенности и неопределенности. Указанные категории выражаются синтаксическими средствами. Установление специса особенно затруднено в тех случаях, когда слово зависит от глагола с определенным управлением, обозначает законченность или незаконченность действия или относится к отрицательной конструкции. При освещении явлений специса в эстонском языке целесообразно рассматривать отдельно квантитативный (качественный) и нотивный (показательный) специсы, как это сделано в финском языке (П. Сиро). При определении специса играют важную роль партитивность и импартитивность рассматриваемых слов.

2. Квантитативный специс в импартитивных словах всегда определенный. В партитивных же словах специс может быть определенным или неопределенным. Эти категории передаются или при помощи контекста, некоторыми лексическими средствами (*kõik_teed* 'все дороги' - опред., *mõned_teed* 'некоторые дороги' - неопр.), или при помощи оппозиции номинатива (соотв. генитива) и партитива (*yõta_sool* 'возьми соль' - опр., *yõta_soola* 'возьми соли' - неопр.).

3. Определенность и неопределенность нотивного специса встречаются в партитивных, а также в непартитивных словах. Всегда определенными являются собственные имена, а также названия единичных предметов (*Tallinn* 'Таллин', *päike* 'солнце'). Нотивный специс может выражаться некоторыми лексическими средствами (*see_tee* 'эта дорога' - опр., *mingi_tee* 'какая-то дорога' - неопр.), порядком слов, а также ударением в устной речи (*koos_ol_õ:ues*

4.

'собака на дворе' - опр., õiea_õõ_kõ:eg 'на дворе со-бака' - неопр.). Оппозиция номинатива (соотв. генитива) и партитива последовательно не выражает определенности и неопределенности мотивного специса.

4. Большинство явлений специса в эстонском языке совпадает с подобными явлениями других прибалтийско-финских языков.

О НОВЕЙШИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ В ПРИБАЛТИЙСКО-
 ФИНСКОЙ ГРУППЕ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Э. Вяари
 (Тарту)

Прибалтийско-финская группа финно-угорских языков в течение многих лет находится в контакте со славянскими, балтийскими и германскими языками. Это подтверждают многочисленные заимствованные слова и даже некоторые фонетические, морфологические и синтаксические влияния в прибалтийско-финских языках.

Связь между прибалтийско-финскими и соседними языками развивается и в наше время, причем влияния в каждом языке различны.

Ливский язык ассимилируется с латышским языком, поэтому в нем очень силен латышский суперстрат. Прежде всего это проявляется в заимствованных словах, которые в данное время используются в областях сельского хозяйства, промышленности, политики, науки и культуры. Немногочисленные влияния имеются и в фонетике (делабиализация гласных, распространение и т.д.) и в морфологии.

На эстонский язык оказывает некоторое влияние русский язык, что обнаруживается на границе эстонско-русского, напр. в диалекте сету (относительно развившийся литературный язык охраняет эстонский язык от прямого иноязычного влияния).

Водский язык почти полностью ассимилировался с русским языком. Последние владеющие этим языком часто пользуются русскими заимствованными словами. В фонетическую систему из русского языка перешел звук э (русское е)

Ижорский язык также находится под сильным влиянием русского языка, поэтому в нем можно найти множество русских заимствованных слов и грамматических форм.

Карельский язык занимает широкую территорию, но всюду очень сильно влияние русского языка. Степень соприкосновения в различных областях различна, но повсюду легко фиксируема. Очень сильно влияние русского языка на фонетику карельского языка.

На вепсский язык тоже оказывает сильное влияние русский язык, и проявляется оно в заимствованных словах, в предложных конструкциях и фонетике.

В финском языке иноязычных влияний меньше. Некоторые элементы заимствованы из шведского языка, в первую очередь это касается словарного запаса.

Из анализа следует, что в водском, ижорском, вепсском и карельском языках имеются новейшие контакты с русским языком, этому способствует отсутствие письменности этих языков в данное время. Ливский язык развивается в тесном контакте с латышским языком.

Эстонский и финский литературные языки сохраняют старые традиции; коллективы говорящих на этих языках довольно многочисленны, поэтому иноязычное влияние не так заметно, и эти языки развиваются прежде всего на основе собственных закономерностей.

О ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСАХ В ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕ- НИЯХ ВОСТОЧНЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

П. Кокла
(Таллин)

1. Косвенные падежи личных местоимений во многих ф.-угорских языках оформляются прит. суффиксами (в докладе рассматриваются главным образом генитив, аккузатив и датив в волжских, пермских и угорских языках).

2. Ед. число. В волжских языках структура генитива личных местоимений различна: в марийском (mɛiɛn, tɛiɛn) и мокшанском (moŋ, toŋ) прит. суффиксы не выступают, в эрзянском (toŋi) они употребляются. Во всех пермских языках прит. суффиксы входят в структуру генитива личных местоимений (зырян. menam, tenad; перм. menam, tenat удм. minam, tinad).

Пути развития аккузатива в разных языках различны. Прит. суффиксы встречаются только в эрзянском, мансийском (ənuŋ, nənən) и венгерском (engem[et], téged[et]).

Хотя происхождение окончания дativa в разных языках различно, бросается в глаза известное структурное единство: прит. суффиксы выступают во всех языковых группах (эрз. moŋeŋ, toŋeŋ; мокш. teiŋ ~ tondeŋ; мар. mɛiɛn, tɛiɛn; зырян. menim, teni; перм. menim, tenit; удм. minim, tinid; хант. mænem, nænən; манс. ənuŋ, nənən).

3. Мн. число. Употребление прит. суффиксов в личных местоимениях в восточных ф.-угорских языках широко распространено. В генитиве они употребляются в марийском (menam, tenam), эрзянском (miiŋek, tiŋk) и удмуртском (miŋam, tiŋad) языках.

Прит. суффиксы в аккузативе встречаются также в уд-

О ПАРТИТИВЕ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

К. Конт
(Таллин)

1. Для финно-угорских языков характерно тройное деление местных падежей: падежи вхождения (куда?), нахождения (где?) и отделения (откуда?). Падежи отделения (элатив, аблатив, делатив и др. в разных финно-угорских языках) имеют сложные окончания; второй компонент у них на $-t$ и выступает во всех финно-угорских языках и отдельно в некоторых наречиях ("снизу", "сверху", "сзади" и т.д.). Эти наречия являются формами древнего аблатива, существовавшего еще в уральском языке-основе и выражавшего в основном удаление и отделение. Из указанной функции развилось позднее и обозначение частности, которое свойственно некоторым падежам — продолжателям древнего аблатива в западных финно-угорских языках. Это — партитив в прибалтийско-финских языках и в саамском языке и аблатив в мордовских языках. В саамском языке партитив употребляется нерегулярно и не входит в систему именного склонения как общеупотребительный падеж.

2. Прибалтийско-финский партитив и мордовский аблатив употребляются и приименно и приглагольно, партитив саамского языка только приименно.

Наиболее важные случаи приименного употребления:

а) в конструкции со сравнительной степенью прилагательных, б) при словах "много" и "мало" (в прибалтийско-финских языках и в саамском языке также при количественных числительных, в прибалтийско-финских языках и при других словах обозначающих количество "группа", "метр", "грамма" и т.д.).

При глаголах мордовский аблатив выступает реже, чем прибалтийско-финский партитив, который лег в основу об-

ширной тотально-парциальной конструкции в области объекта, субъекта и предикатива. Кроме того, партитив употребляется с отрицанием. Мордовский аблатив выступает как падеж объекта только при некоторых глаголах. Падежом субъекта и предикатива он не является.

3. Широко распространенное отделение части от целого посредством партитива получило развитие, вероятно, только в прибалтийско-финском языке-основе. Однако корни этого явления уходят в волжско-прибалтийско-финский период.

Некоторые функции генитива балтийских и славянских языков близки функциям партитива прибалтийско-финских языков (особенно функция парциального объекта, употребление генитива при отрицании и при "квантитативных" словах). Можно предполагать, что окончательное образование функции партитива проходило под балтийским влиянием. Неполное развитие саамского партитива говорит в пользу этой гипотезы.

РУССКО-ЭСТОНСКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ В СЕВЕРО-
-ВОСТОЧНОЙ ЭСТОНИИ

М. Муст
(Таллин)

Северо-восток Эстонии — один из тех районов, где на протяжении веков имело место непосредственное соприкосновение и взаимодействие различных языков и диалектов. Наряду с эстонцами, здесь обитали воть, ижора и русские, давно обращенные в лютеранство. Разнородные этнические элементы и их культура постепенно ассимилировались. Одновременно в этом районе образовался своеобразный билингвизм и можно говорить даже о смешанном эстонско-русском языке.

Для местного эстонского говора характерен целый ряд чуждых другим эстонским диалектам звуковых явлений: наличие звонких взрывных согласных и звуков э, ш, ж, ф, х, отсутствие резкого различия между коротким и долгим (или сверхдолгим) звуками, наличие лишь глухих согласных в конце слова и т.д. Косвенная речь выражается при помощи глагольной формы "говорят"; вместо безличного залога употребляются формы личного. В синтаксисе местного говора наблюдается несвойственный эстонскому языку порядок слов, управление часто исходит из русского языка и т.д. В языке старшего поколения встречается большое количество русских словарных заимствований, которые часто употребляются с русскими грамматическими окончаниями.

Русский говор двуязычной территории принадлежит в общем к средне-русским диалектам, но отличается рядом своеобразных явлений, из которых многие явно возникли под воздействием прибалтийско-финских языков. Напр., звук л, исчезновение четкого различия между твердым

и мягким согласными, расплывчатость грамматического понятия рода, множество конструкций по образцу эстонского языка, кальки, обилие словарных заимствований и слов, производных из эстонских корней и т.д.

В настоящее время общепринятым средством общения в окрестностях Ййзаку является эстонский язык. Вместе с вымиранием старшего поколения постепенно исчезает и это единственное в своем роде, языковое наследие.

ФУНКЦИИ $\ddot{\text{S}}$ -ОВЫХ ПАДЕЖЕЙ В ЯРАНСКОМ
ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Г. Тужаров
(Тарту)

Для доклада мы взяли " $\ddot{\text{S}}$ -овые падежи в яранском говоре марийского языка" потому, что они особенно многофункциональны и объясняют некоторые вопросы истории развития марийского языка.

1. Направительный падеж (иллатив) может выражать: направление действия во внутрь чего-либо, к конечному пункту (a:tāš 'в лес'); занимаемую должность, род занятий (tu,mtu:šūš tu,me:šēš 'учиться на учителя'); с какой целью, на что расходуются те или иные средства (o:kšam.ki:ntāš.səkə:šāš 'деньги израсходовал на хлеб'); временные отношения (i:..tə...i:š 'из года в год'); условия, положение и обстановку, в которые попадает предмет или определенное лицо (uβe:iāš...šū:niam 'дожил до плохих условий') и др.

Условиями употребления полной формы показателя направительного падежа -škš (-škə) являются наличие притяжательного суффикса в слове и усилительной частицы. Второй компонент -kš (-kə) сложного суффикса направительного падежа употребляется в функции падежной формы имени в былом общенаправительном падеже (лативе) финно-угорского периода.

2. Обстоятельственный падеж (локатив) может выражать: определенное, ограниченное место, где совершается какое-либо действие (te.o:lmēš 'на этом месте'); в роли кого, в какой должности намерено было выступать действующее лицо или будет выступать (vastu:kēš...ko:šat 'оставляют пастухом'); способ совершения действия, способ перемещения или передвижения предмета (imūi:ēš.kə:iš

'едут на лошади'); цену или стоимость предмета (kʉt maŋe:teŋ' за шесть рублей'); допущение или предположение (sa:ŋkaŋ pəŋtə:ŋaŋ 'принял за Александра'); временные отношения (tə:zəŋ kək:ŋə:nə 'в месяц два раза'); цель совершения действия (jə:mə ŋiŋa:ŋəŋ 'на случай жажды') и др.

В говоре обнаружены интересные примеры, которые подтверждают доказательство происхождения показателя обстоятельственного падежа от древнего показателя направительного падежа. Показатель -ŋ употребляется в древней падежной функции направительного падежа (sa:la:ŋ:leŋ ke:ŋə 'идет в нижний конец деревни').

Разнообразная функциональная нагрузка и семантика -ŋ-овых падежей в говоре свидетельствует о том, что они сохранили первоначальные пространственные значения. В современную эпоху они употребляются также весьма часто в непространственных значениях.

ОБ АФФРИКАТАХ В НАЧАЛЕ СЛОВА В ЮЖНО-ЭС-
ТОНСКИХ ГОВОРАХ

А. Универе
(Таллин)

Северо-эстонским говорам и финскому языку начальные аффрикаты слова в общем чужды и встречаются лишь в единичных новых заимствованиях. В других же прибалтийско-финских языках и в большей части южно-эстонских говоров они выступают в начале многих слов. Вопрос о происхождении этих аффрикат является спорным, так как аффрикаты финно-угорского языка-основы в начальной позиции, как известно, были утрачены уже в прибалтийско-финском языке-основе.

В восточной части южно-эстонской диалектной группы, в вырусском и тартуском диалектах зарегистрировано около 400 слов с аффрикатой в начале слова. Среди них имеются словарные заимствования из соседних языков, напр., tʃiGan' 'цыган', tʃaɪBak' 'черпак' и т.д. Однако основную часть составляют исконные слова, имеющие соответствия и в других прибалтийско-финских языках или диалектах. Насчитывается много дескриптивных и звукоподражательных слов, которые могли возникнуть в различных языках и говорах самостоятельно и не могут служить доказательством. Некоторые слова свойственны только южно-эстонскому диалекту и не имеют соответствий в северо-эстонских говорах, напр. tʃuG 'лапоть', tʃaGama 'рубить', tʃaɪlk' 'зарубка' и т.д. Если же такие слова проникли в соседние говоры, то аффриката в них утратила затвор и перешла в сибиллянт. То же самое наблюдается и в юго-западном диалекте мультги. В северо-эстонских говорах и в финском языке сибиллянт является закономерным соответствием аффрикаты вырусского и тартуского диалектов, а в дру-

гих прибалтийско-финских и более дальних родственных языках часто встречается аффриката.

С другой стороны, в южно-эстонских говорах есть и примеры позднего происхождения аффрикаты, напр. в новых заимствованиях: *tʲsirel* 'сирень', *tʲsits* 'ситец', *tʲsits-^m* 'сидеть' и т.д. Так как аффриката *tʲs*, большей частью смягченная, входит в фонетическую структуру диалекта, субституция этим звуком сибиллянта вполне понятна.

Южно-эстонские говоры отличаются своей консервативностью. В них еще сохраняются многие архаические черты, исчезнувшие в других говорах. Начальные аффрикаты вырусского и тартуского диалектов можно считать унаследованными из прибалтийско-финского языка-основы, так как на их наличие в языке-основе указывают и другие прибалтийско-финские языки. Фонетически вполне обоснованный переход **tʲs- > tʲs-* можно предположить в том диалекте языка-основы, из которого развились северо-эстонские говоры и финский язык.

ЕДИНИЧНЫЕ И ДВОЙНЫЕ СМЫЧНЫЕ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

В. Халлап
(Таллин)

Рассматриваются три группы финно-угорских слов. Примером I группы слов берем: фин. *sarpi* 'желчь' ~ саам. *sáhppi* ~ вепс. *sar* ~ эрз. *sere* ~ удм. *ser* ~ коми *ser* ~ манс. *tšer* ~ венг. *ere*. Примеры 2 группы: фин. *kevo* 'лиса' ~ саам. *kevi* ~ вепс. *kebō* ~ эрз. *riyēs* ~ удм. *džitšä* ~ коми *rušä* ~ венг. *ravasz*; фин. *sata* 'сто' ~ саам. *távjhti* ~ вепс. *sada* ~ эрз. *sado* ~ мар. *šūbō* ~ удм. *šu* ~ коми *šo* ~ манс. *sāt* ~ хант. *sāt* ~ венг. *száz*. Примеры 3 группы: фин. *kiivi* 'камень' ~ вепс. *kiivi* ~ эрз. *keu* ~ мар. *ki* ~ kui ~ удм. *ke* 'жорнов' ~ коми *iz-ki* ~ манс. *käp* 'камень' ~ хант. *keu* ~ венг. *kőve*; фин. *ytimē* 'мозг' ~ саам. *šibōāmpā* ~ эрз. *uēm* ~ мар. *šem* ~ удм. *viš* ~ коми *uēš* ~ манс. *βēlēm* ~ хант. *wēlēm* ~ венг. *yelő*.

Существуют три теории о первоначальном облике согласных в середине этих основ:

	I теория	II теория	III теория
1. <i>sarpi</i> ... (и др.) <	$\begin{matrix} *pp, *tt, *kk \\ \sim \\ *p, *t, *k \\ \sim \\ *\beta(*v), *\delta \end{matrix}$	$\begin{matrix} *p, *t, *k \\ *b, *d, *g \\ *β(*v), *\delta \end{matrix}$	$\begin{matrix} *p, *t, *k \\ *b, *d, *g \\ *β, *\delta^2 \end{matrix}$
2. <i>kevo</i> ... (и др.) <			
3. <i>kiivi</i> ... (и др.) <			

Разберем факты, которые легче объяснить, исходя из I, классической теории, чем из II или III теории, выдвигаемой В. Штейницем:

1) Если в том индо-иранском языке, из которого было заимствовано слово 'сто', в исходной форме действительно был глухой смычный $_t_$ (ср. санскритское *śata-*, авестийское *sata-*), то сторонникам II и III теории трудно объяснить, почему при заимствовании индо-иранское $_t_$ заменилось финно-угорским $_d_$ или $_δ_$, как предпола-

гают эти теории, (> венг. $_z_:$ $száz$ и т.д.), а не ближайшим финно-угорским соответствием $_t_$ (> венг. $_t_$ и т.д.).

2) В финно-угорских языках явно отсутствуют старые соединения звонких шумных согласных $_z\delta$ $_d\zeta$ и т.д., а присутствуют старые соединения глухих $_kt$, $_tk$ и т.д. (хотя по В. Штейницу единичные $_p$, $_t$, $_k$ в основе слова встречались вообще очень редко!). По I теории объяснить это обстоятельство проще, чем по II или III теории: первоначальные глухие $_p$, $_t$, $_k$ во многих финно-угорских языках между гласными перешли в звонкие (это — самый обычный фонетический процесс!), а в соседстве с другими глухими сохранили свою глухость.

3) В соответствии с вышесказанным с точки зрения I теории очень просто объясняется отношение kit 'рука' — $kičēn$ 'руку' в марийском языке: $_t_=$ в конце слова.

4) В марийском и мордовских (а также в вепском) языках на стыке морфем вместо ожидаемой звонкой геминаты ($_d_ + _d_ = dd$ или $_d_ + _d_ = dd$) встречается глухая ($_t_ + _t_ = tt$ или $_d_ + _d_ = tt$). Например: мар. pit_-
 $_-tē$ '(вы) связывали' (несмотря на то, что в форме $pičē_-$
 $_-tē$ '(вы) связываете' звонкий $_d_$ встречается и в основе и в суффиксе); эрз. партитив $ket_-tē$ 'рука' (ср. с $_d_:$ $kedē_-n$ 'руки', а также парт. $velē_-dē$ 'деревня').

5) Так же, как в саамском и прибалтийско-финских языках, произношение глухих смычных в виде коротких геминат сохранилось в некоторых мордовских диалектах до сегодняшнего дня: мокш. $kočā$ ~ $kočtā$ 'шесть'.

6) С точки зрения III теории труднее (по сравнению с I а также II) объяснить, например, двойное современное соответствие предполагаемому $_w_$ в прибалтийско-финских и саамском языках: I. $_w_ >$ фин. $_v_$ ($kivi$, $sarvi$) — саам. $_v_$ ($išorv_-vi$); 2. тот же $_w_ >$ фин. $_p_$ ($repē$) — саам. $_p_$ ($rēpī$)!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. А. Валмет, К вопросу о специсе в эстонском языке	3
2. Э. Вяари, О новейших языковых контактах в при- балтийско-финской группе финно-угор- ских языков	5
3. П. Кокла, О притяжательных суффиксах в личных местоимениях восточных финно-угор- ских языков	7
4. К. Конт, О партитиве в финно-угорских языках .	9
5. М. Муст, Русско-эстонское двуязычие в северо- -восточной Эстонии	11
6. Г. Тужаров, Функции <i>š</i> -овых падежей в яран- ском говоре марийского языка . . .	13
7. А. Универе, Об аффрикатах в начале слова в юж- но-эстонских говорах	15
8. В. Халлап, Единичные и двойные смычные в финно- угорских языках	17

JA Rotaprint Till 576 Nr. 500 MS-04416.

II

1A-3884

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00453102 8